

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

Н.Ж. Ветшева

**«ВАШ ПАВЛОВСКИЙ ПОЭТ...»:
ПОЭТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ ЖУКОВСКОГО**

Павловск имеет особое значение в творчестве Жуковского, открывая новые эстетические и художественные перспективы его поэзии 1815–1824 гг. Прежде всего, это связано с его пребыванием при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1815 г. в качестве чтеца и созданием элегии «Славянка», ставшей образцом поэтической топографии Павловска, «прогулкой по садам Романтизма» и преддверием эстетических манифестов конца 1810-х – начала 1820-х гг.¹

Последующее пребывание Жуковского в Павловске (лето и осень 1819 и 1820 гг.), формально связанное с должностью учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, выделяется в отдельный павловский период по ряду причин. Во-первых, это новый биографический этап, связанный с новым общественно-культурным статусом. Во-вторых, увлечение фрейлиной императрицы Марии Федоровны графиней С.А. Самойловой. Надежда на брак с ней, дружба-соперничество с влюбленным в нее же В.А. Перовским становятся источником целого ряда стихотворных посланий, образующих единый сюжетный «романический» текст.

Лирическая диалогия («Счастливец! ея ты любим!...» (Перовскому) и Василию Алексеичу Перовскому («Товарищ! Вот тебе рука!»)) позволяет реконструировать куртуазный сюжет влюбленности друзей-соперников, завершившийся отнюдь не победой одного из них, а замужеством С.А. Самойловой, ставшей графиней Бобринской.

Василий Алексеевич Перовский (1795–1857) – генерал-адъютант и генерал от кавалерии, оренбургский и самарский генерал-губернатор, побочный сын А.К. Разумовского, брат писателя А.А. Перовского (Антония Погорельского), друг Жуковского с 1818 г. и до конца жизни. Как замечает биограф Перовского, «один Жуковский оставался предан и верен ему до конца своей жизни и, уже будучи

---

¹ См.: *Иезутова Р.В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976; *Виницкий И.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: ИЛО, 2006. С. 141–164. (Глава «Долина фей: Павловская утопия в поэтической историософии Жуковского»).

почти слепым, написал ему ошупью, по подкладываемой под руку линейке, письмо из Бадена, полное любви и заботы о своем далеком друге. Письмо это было писано в марте 1851 года – и было последним письмом Жуковского»¹.

Перовский отличался замечательной выдержкой и редкой биографией. Будучи захвачен в плен, прошел пешком от Москвы до Парижа, откуда бежал в 1814 г. Проложил для России путь в Среднюю Азию (Хивинский поход 1839 г.). В.А. Перовский, как и Жуковский, был увлечен гр. С.А. Самойловой, но предпочтение, руку и сердце она отдала гр. А.А. Бобринскому, с которым была счастлива. Сюжет этого своеобразного романтического флирта-ухаживания-влюбленности остался в большей степени «литературным», что не исключает серьезного чувства, лежащего в его основе. Как вспоминает А.О. Смирнова-Россет, «он (Перовский) мне рассказывал всю историю, как они садились за столом в Павловске против Софьи Самойловой, делали шарики и откладывали с Жуковским по числу ее взглядов. <...> Василий Перовский <...> надеялся затопить свое горе в блеске и шуме двора. Когда он узнал, что Софья Самойлова вышла замуж за Алексея Бобринского, он не смог скрыть своего огорчения и, во избежание шуток, прострелил себе указательный палец правой руки»².

Из двух посланий к Перовскому «Счастливец! ею ты любим!...» (Перовскому) занимает своеобразное место в рукописях Жуковского: оно написано в окончательной редакции 11 июля 1819 г., но первые 9 стихов второго послания к Перовскому «Товарищ! Вот тебе рука!...» написаны на этом же листе с датой: «10 июля». Таким образом, вместе с завершением (2 августа 1819 г.) второе послание обрамляет первое и воссоздает в соотношении с первым посланием историю дружбы-соперничества Жуковского и Перовского. Поэтический и этический пафос самоотверженной любви, философия самоотречения и отказа от возлюбленной ради друга сходны с пушкинским «Я вас любил».

Послание «Товарищ! вот тебе рука!...», продолжая эту же тему, переводит ее в возвышенный этико-философский план. Окончательному тексту послания предшествовали вполне реальные события: «Перовский первый признался в своем чувстве. Жуковский на от-

¹ Захарьин И. Дружба Жуковского с Перовским // ВЕ. 1901. Т. 4. Апр. С. 527.

² Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 196. (Лит. памятники).

кровенность отвечал великодушием, – и в своем послании уступает своему другу дорогу, желая ему успеха и счастья»¹, что отражено также в стихотворении «Счастливец! ею ты любим!..»

Но в то же время жертвенный контекст посланий осложняется драматической размолвкой и эпистолярным выяснением отношений. На основе мемуарных и эпистолярных источников их можно реконструировать следующим образом:

На вечере в Аничковом дворце, где были дети великого князя, несколько фрейлин, в том числе и С.А. Самойлова, Перовский много танцевал с детьми и Самойловой. Жуковский, рассказав об этом на следующий день великой княгине Александре Федоровне, не присутствовавшей на вечере, добавил, что Перовский «карячился». Великая княгиня, не уловив смысла, буквально передала разговор Перовскому, за чем последовало бурное объяснение. Перовский сказал Жуковскому: «Дурак!», на что получил ответ: «Пошел вон!» На следующий день Жуковский в ироническом ключе, но с обращением на «Вы» пишет Перовскому: «Боже мой, как неверна жизнь человеческая! Два друга, дышавшие, кажется, до сих пор единогласно, в совокупности и, так сказать, в единственном числе, – хотя они сами и во множественном, – два Пилада, два Ореста, можно неужели, даже два Дамона и Пифиаса (героический миф, символ нерушимой дружбы. – Н.В.), – вдруг в одну минуту, без всякого предварительного приготовления, свирепеют: один в каком-то беснотворном неистовстве говорит другому: «Дурак!», а тот, в помешательстве остервенения, отвечает: «Пошел вон!» <...> Ну, какой же я дурак?.. Разве не читали вы моих стихотворений? Так дураки не пишут. Прочитайте-ка одно, которое начинается так: «Товарищ, вот тебе рука!» – и увидите, что я знаю то, что говорю <...> Василий Алексеевич! «Поди вон» – значит *поди сюда!* Пребываю ваш покорнейший слуга-дурак Василий Жуковский». Перовский во вполне дружеском ответе мотивирует собственную вспыльчивость: «<...> Впрочем, «дурак» не значит, что я почитаю вас глупым: мне бы приличнее было назвать вас *болтуном*, а сии последние бывают и *не дураки*; таким-то и я вас почитаю душевно. Мне было досадно видеть, что нельзя просто ни чихнуть, ни кашлянуть, чтобы вы тотчас же не перенесли бы то и другое к ее высочеству; а между тем это не принадлежит, по моему мнению, к урокам, вами преподаваемым².

Комментируя этот эпизод отношений Жуковского и Перовского, Ц.С. Вольпе считает, что этот эпистолярный диалог предвосхищает интонации гоголевской повести «О том, как поссорились Иван Ива-

¹ Жуковский В.А. ПСС. Т. 3. С. 145.

² Захарьин (Якунин) И.П. Граф В.А. Перовский и его зимний поход на Хиву. СПб., 1901. С. 86, 88.

нович с Иваном Никифоровичем», и замечает: Жуковский, «погрузившись в интересы придворного быта, был выше этого быта»¹.

То, что сам Жуковский анализировал свои отношения с Перовским и пытался корректировать свое поведение, отражает его дневниковая запись от 13 августа 1819 г.: «Разговор Перовского <...> Разговор за столом и после стола о танцах и прочее. <...> Замечание Перовского на мой счет если не справедливое, то по крайней мере остерегательное. Нет ничего опаснее, как pas à pas [шаг за шагом – фр.]. Нечувствительно сверху падаешь на дно. L'essentiel est de ne rien se reprocher [Главное, чтобы ни в чем себя не упрекнуть – фр.]. До сих пор я действую, кажется, прямо. Пускай душа ей, но воля останется моею; она принадлежит товарищу. Лишь бы поскорее все, что надобно, высказать. Это бы дало более свободы и верности действовать»².

Перовский был далек и от возвышенно-платонического отношения Жуковского к Самойловой, и от шутливового «романтического сублимирования фрейлинских платков, перчаток и башмаков»³. Еще до помолвки Самойловой с А.А. Бобринским он советует Жуковскому: «Василий Андреевич! При сем посылаю вам перчатку и уголок платка известной вам девы. Душевно желаю, Василий Андреевич, чтобы вы смотрели на сии принадлежности, как и я на них смотрел, – как на простую тряпку и на простую лайку, и чтоб весна, а особенно горячее лето нашли бы вас совершенно прохлажденным <...> когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы решительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу вас убедительнейше, Василий Андреевич, дайте мне знать через кого-нибудь о сей счастливой перемене, дабы мы вместе и торжественно предали бы земле, воде или огню все эти перчатки, платки, ленточки и фруктовые косточки... Ах, царь небесный! что за праздник будет!.. Поверьте, что минута, в которую я уверюсь, что вы сделались порядочным человеком, будет приятнейшею в моей жизни! Но – не мне управлять песнопевца душой!..»⁴.

¹ Жуковский В.А. Стихотворения: в 2 т. Л., 1939–1940. Т. 1. С. 531. (Библиотека поэта. Большая серия).

² Жуковский В.А. ПССиП. Т. 13. С. 130.

³ Жуковский В.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 532.

⁴ Захарьин (Якунин) И.П. Граф В.А. Перовский и его зимний поход на Хиву. СПб., 1901. С. 89. Курсивом выделена цитата из баллады Жуковского «Граф Гапсбургский».

В дальнейшем на первый план в отношениях Жуковского и Перовского выходит именно дружба: «Ты на один фрейлинский взгляд, на одну улыбку отвечаешь мадригалом, а я требую от тебя не ответов (на мои письма отвечать нечего), а отвечай лишь на дружбу» (Письмо Перовского к Жуковскому от 15 августа 1823 г.)¹. Напомним, что дружба с Перовским продолжалась до конца жизни Жуковского, последнее письмо, адресованное Перовскому, было послано в марте 1851 г.

В-третьих, павловский период становится временем и местом не просто эстетических открытий и манифестов, но особой «философией жизни», соотносящей ее метафизические и бытовые измерения, включающей этико-эстетические проблемы романтизма Жуковского. Наконец, особенности творческого процесса способствуют восприятию всего написанного в это время как единого текста (метатекста). Хронологический порядок работы с точными датировками произведений по дням, сосредоточенность большей части произведений в одной тетради, стремление к систематизации на разных основаниях путем составления многочисленных списков² – все это свидетельство внутреннего единства павловских стихотворений 1819–1820-х гг.

Приводим один из списков павловских стихотворений, пронумерованных поэтом:

1. «Графине С.А. Самойловой» («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...») – 28–29 июня 1819 г.
2. «Ея превосходительству Варваре Павловне Ушаковой, их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой, княжне Козловской и княжне Волконской, от некоторого жалкого стихотворца прошение» («Больной, покинутый поэт...») – 8 июля 1819 г.
3. «Гр. С.А. Самойловой» («Уж думал я, что я забыт...») – 9 июля 1819 г.
4. «Напрасно я мечтою льстился...» – 14 сентября 1819 г.
5. «Вчера я вас не убедил...» – 5 октября 1819 г.
6. «К мимопролетевшему знакомому Гению» («Скажи, кто ты, пленитель безымянной..?») – 7 августа.
7. «Жизнь» («Отуманенным потоком...») – 10 августа.
8. «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца» («Графиня, не забудьте слова...»).
9. «От Вашего Величества давно» («Государыне Императрице Марии Федоровне» – 6 июня 1819 г.
10. «Я должен Вашему Величеству признаться...» – 29 июля 1819 г.

¹ Захарын (Якунин) И.П. Граф В.А. Перовский и его зимний поход на Хиву. С. 95.

² ОР РНБ. Ф. 286. В.А. Жуковский. Оп. 1. № 29.

11. «Цвет завета» (Мой милый цвет, былинка полевая...) – 1 июля 1819 г.

12 «Праматерь внуке» («Мое дитя, со мною от купели» – 23 августа 1819 г.

Послание («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...») адресовано графине Софье Александровне Самойловой (1797 – 1866), воспитаннице Екатерининского института; с 1816 г. – фрейлина императрицы Марии Федоровны. Жуковский был знаком с ней с 1818 г. и посвятил ей целый ряд павловских посланий. Влюбленность и «тоска по семейственной жизни», дружба и соперничество с В.А. Перовским отражают в цикле павловских посланий к Самойловой и Перовскому своеобразное развитие романтического сюжета.

По воспоминаниям П.А. Вяземского, «графиня София Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была женщина редкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. <...> Она была кроткой, миловидной, пленительной наружности. В глазах и улыбке ее были чувство, мысль и доброжелательная приветливость. Ясный, свежий, совершенно-женственный ум ее был и развит и освещен необыкновенною образованностью. Европейские литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковский, встретивший ее еще у двора императрицы Марии Федоровны, при которой она была фрейлиной, узнал ее, оценил и остался с нею в самых дружеских сношениях»¹.

Увлечение Жуковского Самойловой относится к 1819–1820 гг. Вероятность женитьбы на Самойловой обсуждалась в дружеском кругу, что отражается в переписке. «Жуковский едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при дворе нелегко найти невесту для стихотворца, хотя и любимого» (Из письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву от 20 сентября 1820 г.)². 8 октября 1820 г. Ю.А. Нелединский-Мелецкий пишет дочери, княгине А.Ю. Оболенской: «При отъезде моем Жуковский, как сказывали мне, объяснился с гр. С. В бытность твою здесь, ты знала, что считали его в нее влюбленным. Он ей сказал, что отъезжает с сожалением о том, что исканию его дружбы ее она не ответствовала, и изъявлению *его к ней дружбы* приписала, как видно, другому чувству».

¹ Вяземский П.А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский // РА. 1868. Стб. 2027–2038).

² Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. М., 1866. С. 294.

которое, впрочем, внушить она всех более может. – Как доведено было до этого и что далее было им сказано, не знаю; но на эти слова она, сказывают, – молчала и будто показались у ней на глазах слезы. Как ты это растолкуешь? По мнению К.И. [Е.И. Нелидовой, фрейлины. – *Н.В.*], от которой я это слышал, он это говорил для того, что боится слыть влюбленным: *il craint extrêmement d'être ridicule* [он очень боится быть смешным – фр.]. – А буде она подлинно плакала, то, мне кажется, от досады. – И подлинно; как? Человек приходит женщине сказать: не подумай, ради бога, чтоб я в тебя был влюблен!¹

В ноябре 1820 г., после отъезда Жуковского за границу, С.А. Самойлова стала невестой графа А.А. Бобринского, а 27 апреля 1821 г. они повенчались. С.А. Бобринская, а после ее смерти сын и внук сохранили рукописи Жуковского, в том числе альбомы с автографами стихотворений и писем².

Это послание является репрезентативным текстом, синтезируя основные мотивы большого Павловского текста, сближая противоположности быта и бытия с помощью модернизированного мифопоэтического приема метаморфозы. В одном ряду оказываются: Колпино (ныне пригород Санкт-Петербурга, в XIX в. – село под Петербургом) и «*безмолвный берег Монплезира*» (Монплеzir (от фр. *mon plaisir* – мое удовольствие) – дворец-павильон на взморье на берегу Финского залива в Петергофе); герои будущей «Ундины» («*Пугал на дне морском балладами Ундину, // И сонный дядя Студенец*»), Бомар (Жак Кристоф Вальмон де Бомар (1731 – 1807), французский натуралист, популяризатор, автор знаменитого пятитомного «Универсального словаря естественной истории» («*Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle*») и ироническое изложение основных сюжетных линий романа г-жи Коттен «Матильда, или Крестовые походы», а София (греч.) – мудрость, библейский символ божественного мироустройства – София Премудрость Божия – это одновременно имя графини Самойловой. («*Премудрость – а сказать погречески: София!..*»).

Опыт циклизации или систематизации павловских посланий Жуковский предпринимал и позднее, в 1820 г., включив в альбом гр.

¹ *Хроника* недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1875. С. 241.

² См.: *Кульман Н.К.* Рукописи В.А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских // Изв. 2-го отд. Имп. АН. Т. 5, кн. 4. СПб., 1900. С. 1076–1145.

С.А. Самойловой 45 пронумерованных и собственноручно переписанных стихотворений¹. Поэт ищет узлы связи павловских текстов, пытается соединить шуточные, бытовые послания и эстетические манифесты.

И все же проблема единства павловских стихотворений во многом остается неразрешенной, поскольку большинство из них не публиковалось при жизни поэта в связи с чересчур личным характером одних и шутивно-интимным содержанием других.

В шутивном послании «Я с благодарностью сердечной извещаю...», обращенном к графине Анне Владимировне Бобринской (урожд. баронесса Унгерн-Штернберг; 1769–1846) он всего лишь уточняет время вечернего собрания, но умудряется записку претворить в мифологический символ идиллической любви («они жили долго и умерли в один день»), с дарованным богами превращением в деревья, растущие из одного корня) («А так, как Филемон с Бавкидой, превратились // В две липы свежие...»).

В 1819 г. А.В. Бобринская жила в Петербурге, проводя лето в Павловске на своей даче и устраивая балы, вечера, к которым чувствовала особую склонность. По воспоминаниям П.А. Вяземского, «графиня жила жизнью общежительною, гостеприимной. Она веселилась весельем других. Все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно. А она принимала всех так радушно, – можно сказать, так благодарно, как будто мы ее одолжали, а не себя, посещая ее дом. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечаток вкуса и художественности»².

Не был исключением и Жуковский. Его дневники свидетельствуют о частом и доверительном общении поэта с А.В. Бобринской: «13 августа 1819. Бал графини Бобринской», «19 августа. У Бобринских», «4 сентября. Вечер у Бобринских». *Разговор*», «17 сентября. Вечер у Бобринских»³. «<...> Жуковский не мог оторваться от графини Бобринской, с которой играет au petits jeux», – замечает А.И. Тургенев в письме Вяземскому от 7 октября 1819 г.⁴

Павловск является местом действия большинства произведений лета и осени 1819 и 1820 гг. Это не просто резиденция вдовствующей

¹ Кульман Н.К. Рукописи В.А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских. С. 1085–1087.

² Вяземский П.А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский. Стб. 2035.

³ Жуковский В.А. ПССИП. Т. 13. С. 130.

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 325.

шей императрицы, но особый историко-культурный феномен, оказавший большое влияние на творчество Жуковского и, в свою очередь, оставшийся навсегда запечатленным в его павловских текстах. Мария Федоровна, после смерти Павла I, заканчивая оформление интерьеров большого дворца и продолжая ландшафтные работы по обустройству парка (площадью около 600 га), названного позднее классической формулой («сады Романтизма»), превратила Павловск в своего рода живой мемориал, сложную систему памятников и символов материализованного воспоминания¹. Семейственная роща, Храм дружбы, Храм любви, Елизаветин павильон, Розовый павильон, ферма, Шале – все это было не только декорацией, но особой идеальной картиной мира, в котором взаимопроницаемыми оказывались природа, культура и быт, этикет и творческая свобода.

По воспоминаниям очевидца, «в Павловске императрица Мария Федоровна ежедневно утром часа два ходила пешком. После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этой линейкой следовали другие со свитой. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего Розовый, где выходили для чая или вечернего собрания. Почти ежедневно обедали или пили чай то на галерее, то в каком-нибудь павильоне, то на ферме»². В альбом Розового павильона писали свои стихи Жуковский, Нелединский-Мелецкий, И.И. Дмитриев, Крылов. «Лет десять тому назад, – сообщает та же мемуаристка, – я посетила эти места. Партер заглох, и розанов не было; но все оставалось в прежнем виде внутри Розового павильона. Известный мне альбом лежал на том же столике. В нем писали Жуковский и Крылов»³.

Большинство произведений, написанных Жуковским в Павловске, относятся к жанру послания, причем диапазон их очень широк – от больших развернутых «Отчетов о Луне» до записок, шуточных эпитафий, просьб. Эта эстетическая и художественная многослойность, а также смена адресатов (дружеское послание арзамасского периода уступает место посланиям к фрейлинам, придворным, императрице), вызывает неоднозначные оценки современников и друзей Жуковского. «Придворным певчим» называет его П.А. Вяземский⁴. Озабоченность высказывает Карамзин: «Жуковский совсем не

¹ Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892. Т. 1.

² Муханова М.С. Записки // РА. 1878. № 3. С. 307.

³ Там же. С. 307.

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 212.

суетен и еще менее корыстолюбив; но летний Двор приводит его в рассеяние, не весьма для муз благоприятное, и в любовную меланхолию, хотя пиитическую, однако ж не стихотворную. Он еще молод: авось и встанет и *возрастет!*» (Письмо к И.И. Дмитриеву от 19 октября 1820 г.)¹. «Павловским лунатиком», «припудренным Оссианом» величает его язвительный Вяземский в 1820 г.²

Опасения друзей имели основания, и сам Жуковский чувствовал определенный гнет ритуалов и этикета придворного быта. Но он сумел извлечь из этого материала, из этого особого мира свои духовные и эстетические ценности. Он остается арзамасцем без «Арзамаса»: буффонада, озорная шутка, игра сопровождают его в сотворении павловского космоса.

Адресаты стихотворного шуточного послания («Больной, покинутый поэт...») стилизованного под прошение, – фрейлины императрицы Марии Федоровны и великой княгини Александры Федоровны: В.П. Ушакова (в замуж. Барыкова; ум. 1862), графиня С.А. Самойлова (в замуж. графиня Бобринская), Е.П. Шувалова (в замуж. Шлиффен; 1801–1858), княжна Е.Г. Волконская (в замуж. Хилкова; 1801 – не ранее 1873) и княжна Козловская (сведений о ней обнаружить не удалось). Мифологизация бытовых реалий (метаморфозы башмаков, платков и перчаток) и специфичность шуточных павловских посланий отчетливо осознавалась друзьями поэта – арзамасцами, что неоднократно зафиксировано в переписке, например, Вяземского и А.И. Тургенева: «Он теперь нянчится только с фрейлинами, ест их конфеты и пьет за них шампанское. Вино поэзии веселит сердце его, а с ним и воображение. Впрочем, он уже и записки пишет стихами и не может сказать прозою: «Пришлите мне мороженого и миндалю в сахаре» (Письмо А.И. Тургенева к П.А. Вяземскому от 13 августа 1819 г.)³. Подобный прием поэтизации прозы и нейтрализации материального быта идеальным поэтическим мироощущением был подхвачен И.А. Крыловым⁴. В этом смысле показательно ироническое замечание А.И. Тургенева: «Послания его к фрейлинам павловским забавны, и он и в них поэт, но поэт болтун»⁵.

¹ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 297. Курсивом выделена цитата из «Надписи к портрету великой княгини Александры Федоровны» Жуковского: «В ней дух к великому растет и возрастет...».

² Веселовский. С. 301.

³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 286.

⁴ См.: Послание И.А. Крылова к В.П. Ушаковой // РС. 1870. Т. 1. С. 567.

⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 271.

В стихотворении «В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки, от депутата Жуковского («Прошу меня не осуждать...»)» воссоздается и обыгрывается реальный случай. В воспоминаниях А.П. Кеппена сообщается следующее: «В.А. Жуковский был прекрасно принят и весьма любим в доме деда моего Ф.П. Аделунга, бывшего наставником императора Николая I и великого князя Михаила Павловича. Происхождение сообщаемого стихотворения обязано именно близким отношениям Жуковского к семье Аделунга, где в 1820 г. было трое молодых людей, сыновей Федора Павловича. Старый слуга деда моего, проходя по павловскому парку и завидев белку, бросил в нее камнем и, поймав раненое животное, пожелал принести его домой на утеху молодежи. Но увы! зверек, положенный в карман, задохся. Столь грустная смерть белки вызвала блестящие ее похороны, и назначен был конкурс для составления надгробной надписи. Всех надписей, писанных на немецком языке, было шесть, и в составлении их принимали участие как Ф.П. Аделунг и дети его, так равно отец мой, академик П.И. Кеппен, и академик Круг. Судьею был избран Жуковский – и вот таким образом явилось на свет произведение знаменитого нашего поэта, сохранившееся в бумагах моего отца. Избранная Жуковским надпись, увековеченная его переводом, принадлежала Ф.П. Аделунгу»¹.

Как следует из этих воспоминаний, фактическим автором шутильной эпитафии был Федор Павлович (Фридрих) Аделунг (1768–1843), историк, с 1824 по 1843 г. директор Института восточных языков в Петербурге. Не имея возможности сравнить немецкий оригинал надписи с переводом Жуковского, трудно что-либо сказать о точности в воссоздании его смысла и интонации. Но очевидно, что этот текст Жуковского вообще невозможно назвать переводом. Это скорее поэтическая рефлексия по поводу описанных в мемуарах А.П. Кеппена событий.

Мотив игры проявляется в столкновении возвышенного и бытового, подлинного и мнимого через «снятие масок, разоблачение, устранение неподлинности (см. «Графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»). Стихотворения «по заказу» превращаются в философию жизнетворчества и романтизма.

Основным центром единства павловских текстов становится сознательно создаваемый и отчасти объективируемый образ поэта-творца,

¹ Кеппен А.П. В.А. Жуковский в Павловске. 1820 г. // РС. 1883. Март. С. 679–680.

его нового эстетического самоопределения и самоутверждения. Это относится к шутивным посланиям («Больной, покинутый поэт...», «...я, ваш павловский поэт», «судья, поверьте в том поэту...» и т.д.).

Но репрезентативными в этом отношении являются два «Отчета о Луне» («реальный» и «культурологический»), в которых утверждается роль Поэта-Учителя-Творца и творимого им мира, мироздания как высшей нравственной и эстетической ценности.

Первый отчет о луне («Государыне Императрице Марии Федоровне («От Вашего величества давно...») в процессе трехмесячной работы с авторскими датировками и двумя «Post-scriptum»'ами настолько разросся, что утратил привычную жанровую форму послания. Жуковский даже планировал разбить его на две самостоятельные части: во всяком случае, он нумерует начало (№ 9) «От Вашего величества давно...», датируя его 6 июня, и выделяет вторую часть (№ 10) «Я должен Вашему величеству признаться...», датируя ее 29 июля. В таком виде послание существует в списке из 12 павловских стихотворений. В альбоме С.А. Самойловой эти два фрагмента также записаны раздельно: № 19 – «Послание к императрице Марии Федоровне» («Государыне императрице Марии Федоровне») и № 20 – «Послание к императрице Марии Федоровне. 29 июля»¹. Экспериментальный характер послания, неустойчивость жанра, его фрагментарность привели к самостоятельному существованию «отрывка», получившего заглавие «Невыразимое», и даже к такому феноменальному образованию, как прозаический конспект исторической поэмы². Тем не менее «Отчет» так и остался незавершенным, хотя сохранился план его продолжения³. Фрагментарность не препятствует атмосфере эстетического, натурфилософского самоопределения, созданию большого элегического контекста и сложно организованного авторского стихотворного повествования.

Необычность, потенциальная открытость и незавершенность послания отчетливо осознавались самим Жуковским и его друзьями и оценивались по-разному. «Рапорт государыне о павловской луне, в шутовском тоне, – прекрасный, но лучшие стихи выпустил, опасаясь длинностей», – писал А.И. Тургенев к П.А. Вяземскому 23 июля

¹ Кульман Н.К. Рукописи В.А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских. С. 1086.

² Ветшева Н.Ж., Костин В.М. Неосуществленный замысел В.А. Жуковского «Родрик и Изора» // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 42–63.

³ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 29. Л. 22 об.; Л. 33–33 об.

1819 г.¹ Очевидно, что здесь речь идет о первой части послания, написанной до 29 июля и выделенной в целое. 5 августа 1819 г. Тургенев в письме к Вяземскому сообщает: «Пудра не запылила души его, и деятельность его, кажется, начинает воскресать. Посылаю болтовню его о луне и солнце»². А.И. Тургенев пересылает Вяземскому вторую часть послания, датированную 29 июля.

Сам Жуковский, осознавая незавершенность «отчета», просил Тургенева в письме от 2 октября 1819 г.: «Пачканья о луне не печатай особенно»³. По всей вероятности, после отъезда Жуковского за границу А.И. Тургенев дал в печать только первую часть послания⁴. Впоследствии В.К. Кюхельбекер, штудируя в ссылке журнал «Сын Отечества» и наткнувшись на эту публикацию, точно определил художественную природу этого произведения, назвав послание «мозаичной работой: но в этой мозаике есть и чистое золото»⁵.

Организующим началом послания «Государыне Императрице Марии Федоровне» является не только задание «о павловской луне представить донесенье», но сама поэтическая топография павловского парка, что продолжает традицию пейзажной элегии «Славянка». Жуковский стремится к точности реалий в небольших планах перечислениях на полях, в поэтическом тексте насыщая их романтическими ассоциациями и символикой. «Дворец в зареве. Храм. Семейственная роща, дряхлая ива. Мост. Памятник Александре Павл<овне>. Павильон Елизаветы. Каскад. Площадка. Деревня. Река <...> Павильон. Ферма, Развалины. Предание» – эти реалии с той или иной степенью конкретизации представлены в поэтическом тексте.

По всей вероятности, Жуковский ощущал неудовлетворенность в исполнении заказа императрицы – дать отчет о павловской луне. Именно поэтому следующим летом 1820 г. он и напишет свой «Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне («Хотя и много я стихами...»)). Но в творческой эволюции поэта его послание «Государыне Императрице Марии Федоровне» стало этапным. Это был путь к созданию новой поэтической структуры, своеобразного поэтического метатекста⁶.

¹ *Остафьевский* архив князей Вяземских. Т. 1. С. 271.

² Там же. С. 280.

³ ПЖТ. С. 192.

⁴ *Сын Отечества*. 1821. Ч. 67, № 1.

⁵ *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 275.

⁶ *Строганов М.В.* «Луна во вкусе Жуковского», или Поэтический текст как метатекст // НЛЮ. 1998. № 32. С. 133–135.

Подробный отчет о луне («Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне («Хотя и много я стихами...») впервые выходит отдельным изданием с заглавием: «Подробный отчет о луне, представленный Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне 1820 июня 18, в Павловске». СПб., 1820 (Ц.р. 22 июня 1820 г. Цензор Ив. Тимковский) и примечанием автора: «Прекрасная лунная ночь в Павловске подала повод написать это послание. Государыне Императрице угодно было заметить поэту красоту этой ночи, и он, исчислив разные прежде им сделанные описания луны, признается в стихах своих, что ни которая из этих описанных лун не была столь прекрасна, как та, которую в ту ночь освещала Павловские рощи и воды. В. Ж.»

«Подробный отчет о луне», написанный год спустя после первого, незавершенного, представляет собой не просто поэтический каталог собственных лунных пейзажей, но, по мнению М.В. Строганова, «метатекст»¹. Ц.С. Вольпе считал, что это послание «дает возможность прояснить общие принципы поэтики пейзажа в его творчестве»². А.С. Янушкевич говорит о Жуковском в связи с этим посланием как о «носителе идей русской романтической селенологии»³.

В воспоминаниях А.С. Гангблова воспроизводится конкретный эпизод, послуживший поводом к созданию «Отчета»:

В один тихий, ясный вечер, когда встали из-за ужина (а любопытных у дверей уже не было), Мария Федоровна вышла на террасу и, полюбовавшись несколько минут луною, велела бывшему при ней камерпажу А. Ростовцеву вызвать к ней из залы Жуковского. «Не знаете, зачем?» – спросил Жуковский, поднимаясь с места. «Не знаю наверно, – отвечал тот, – а знаю, что что-то о луне!» – «Ох уж мне эта луна!» – заметил поэт. Плодом этой довольно долгой созерцательной беседы поэта с царицей был «Подробный отчет о луне»⁴.

Умение Жуковского писать «по заказу», оставаясь самим собой, вызывало удивление друзей-поэтов. «Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем – так, я понимаю, но чувствовать живо, дать

¹ См.: *Строганов М.В.* «Луна во вкусе Жуковского», или Поэтический текст как метатекст. С. 133–135.

² *Жуковский В.А.* Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 498.

³ *Янушкевич А.С.* Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 55.

⁴ РА. 1866. Кн. 3. С. 196.

языку такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? – Способность, с которою он себя, то есть поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все скверное очищается перед ним, он говорит помазанным слушателям: “Хорошо, я буду говорить вам, но по-своему”, и эти помазанные его слушают» (Из письма П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу от 7 августа 1819 г.)¹.

Конкретный повод (прекрасная лунная ночь в Павловске) и просьба-заказ императрицы (описать эту ночь и луну) определили рождение «Подробного отчета о луне», но эстетическая рефлексия поэта обусловила его органическую связь с эстетикой и поэтикой русского романтизма.

Павловский диалог поэта с царственными и придворными адресатами летом 1819 и 1820 г. далеко выходит за рамки построения даже поэтической коммуникации. Это обретение новой философии жизни и натурфилософии, эстетическое манифестирование себя как романтического поэта, путь к опытам в эпическом роде. Стихотворения как единство представляют собой и опыт создания романтической мифологии, основанной на взаимобратимости, метаморфозах живого и мертвого, материального и идеального, слова и вещи, высокого и низкого. Тем самым Жуковский, отказываясь от жесткого представления о двоимирии, переходит к онтологическому и художественному видению единства мира, его полноты, к осмыслению тайн творческого процесса. После долбинских стихотворений павловские послания стали еще одним этапом в постижении философии единства Жизни и Поэзии. Поэзии и Жизни.

---

¹ *Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 1. С. 284–285.